Է. Ռ. ԱԹԱՅԱՆ, Լեզվապահ աշխարհի ներքին կեցւածքները և առաջին վերաբերւթյունը, Երևանի Համալսարանի Հրատարակչութիւն, Երևան, 1981, 390 էջ:

Э. Р. АТАЯН, *Внутренняя организация и внешняя отнесенность языкового мира*. Издательство Ереванского университета, Ереван, 1981, 390 с.

История отношений между философией и лингвистикой в XX в. являет чрезвычайное многообразие, идеи, долженствующие связать между собой две эти сферы духовной культуры, различны до пестроты. Языкознание, занявшее—по праву—такое важное место в системе гуманитарных дисциплин и—зачастую, пожалуй, с излишним самодовольством—претендующее на роль методологической парадигмы в исследовании всех проявлений человеческой духовной жизни,—должно было и действительно вошло в активное идейное взаимодействие с философией. Понятие языка в том или ином—часто не только в лингвистическом—его осмыслении становится не только шпрокоупотребительным, но и многозначным и многозначительным. Язык, его эксплуатация как если не причина, то по крайней мере как непосредственный повод и средство вызвагы и обычное человеческое поведение и—шире—социальное движение; язык как основное представление, могущее помочь в логико-гносеологическом обосновании сперва формальных (логика и математика), а затем и естественных (физика) наук; философия как определенный тип языкового—часто «неправомерного»—поведения,—прижеры такого симбиоза языковедческих и философских представлений можно и умножить.

Но всю эту сумятицу квазилингвистических теорий, концепций, мнений, а также простого употребления и злоупотребления языковедной терминологией можно свести к двум типам отношений между кругом лингвистических методов и понятий и сферой философских интересов. Первый связан с методологической рефлексией—характерной чертой науки нашего времени. Стремление науки к самосознанию, имевшее причиной неудовлетворенность прежней своей методологической основой, дало в лингвистике двойственный результат. С одной стороны, оно действительно породило особо внимательное до придирчивости отношение к строгости и точности методической основы исследований, а с другой—вызвало непреодолимый методический зуд, стремление во что бы то ни стало «выдать» новую методику, новую процедуру анализа, новую модель и пр.

Второй тип отношений обратный: если в первом случае лингвистика подпала под пресс большей частью позитивистски окрашенной методологии, то во втором уже философия поддалась напору лингвистических и полу- (а часто и лже-) лингвистических методических претензий.

В этих случаях мы имеем дело либо с лингвистующей (включая сюда и лингвистическую) философией, либо с философствующей (в узком, близком к позитивистскому смыслу «философии» как логики и методологии науки) лингвистикой. Покинута и, казалось, заросла бывшем широкая в свое время тропа, протоптанная античной традицией, гуманистической филологией Возрождения, а потом и такими гигантами, как Гердер, В. фон Гумбольдт, Ф. Шлегель.

Но взяв в руки книгу Э. Р. Атаяна, можно утолить тоску по добротной философии языка. Это один из немногих отечественных трудов, посвященных философскому—не только логико-гносеологическому, как это, согласно выработавшейся у нас в последние два с небольшим десятилетия привычке, можно было ожидать,—но сущностно-онтологическому, во многом эстетическому и нравственному осмыслению языка.

Основанием широкой теоретической панорамы, выстроенной Э. Р. Атаяном, является афористически емкое, как почти все основополагающие суждения автора, положение: «Язык не только в мире, он часть мира...», и этим заданы и масштаб, и направленность, и ценностная ориентация труда. Поскольку язык не только обнаруживает себя в мире, входя с ним в эфемерно-теоретические отношения, сферой которых может быть лишь чистая субъективность, не только отражает и выражает мир в его феноменальной пестроте и глубинной сути, а также и полноправно принадлежит Миру, взятому как целое (по терминологии автора—Сфере сфер), то философское осмысление языка должно быть осуществлено как продолжение, переход и перелив категориального движения от сферы неязыковой к языку. Но эта устремленность не односторонняя. Именно потому, что язык—часть мира, в неязыковой сфере, рассмотренной не только в противопоставлении, но и в сопряжении с языковой, анализ должен показать определенную сущностную структуру, фундирующую само бытие языка. Таким образом, явно и с полной исследовательской ответственностью ставится и блестяще разрешается задача соположения языка и неязыковой сферы, проблема вычленения некоторой протоязыковой, как ее можно было бы назвать, структуры неязыковой сферы, переходящей в бытийную структуру актуально-динамического функционирования языка.

Язык как сущность противопоставленная неязыковой сфере и язык как часть мира, составляющая с ним высшее единство—это всего только два плана проблемы, планы, которые должны не только различаться, но и воссоединяться, поддерживая и претворяясь друг в друга. Подобный подход возможен только в рамках диалектического способа мышления, предполагающего не только и не столько возможности внешнего, а потому и пустого взаимного отрицания категорий (сущность—явление, объект—субъект, внешнее—внутреннее и т. д.), но, прежде всего, реальный категориальный синтез сущего. Э. Р. Атаян продемонстрировал виртуозное владение не только аппаратом, но и сутью и духом марксистской диалектики. При этом нужно отметить по крайней мере два момента, на мой взгляд, весьма существенные не только в качестве вклада в разработку данной области, но и в развитие самой диалектики. Прежде всего это дополнение привычного после Гегеля триадического движения категорий «тетрадиическим», при котором логическими ступенями представления некоторого образования являются: непосредственная данность его, анализ, синтез и «гиперсинтез», в котором мыслится не только динамическая связь, теоретически воссоздающая целостность данного, но и все ступени его логического расчленения и сочленения различного.

Вторая особенность взгляда автора в том, что сам он называет «аспектуальным» подходом. Послесосюрловская лингвистика, до крайности развившая дуализм противопоставлений: языка—речи, парадигматики—синтагматики, означающего—означаемому и т. д.,—снимается здесь плодотворным синтезом, позволяющим не только рассматривать члены оппозиций как методические и эвристические «als ob», но приискать соответствующие им объективно-онтологические аспекты мира—сперва непосредственно языкового, а затем и внеязыкового.

Именно так—в качестве аспектов единого, а не пар оторванных друг от друга абстракций, рассматриваются основные и в силу привычности своей не содержащие в себе, казалось, проблемы, лингвосемиотические противопоставления. Категориальная картина, представляющая семиозис, оказывается сложнее, чем мыслилось до сих пор, но насколько же стройнее и изящнее. Разрозненные до сих пор понятия соотносятся друг с другом и пронизывают друг друга, образуя последовательно иерархический порядок. Так, скажем, возникает различие содержания и выражения не только параллельного делению язык/речь, но и в каждой из разделенных сторон: языковое содержание и языковое выражение, речевое содержание и речевое выражение. Более того—и это также надо считать открытием Э. Р. Атаяна—категории, пронизывающие собою все его построение, не оставляют в неприкосновенности и фундаментальную единицу лингвосемиотики: знак, до сих пор рассматривавшийся атомистически или в лучшем случае как сочетание двух «элементарных частиц»—означающего и означаемого. Знак так же оказывается сложной динамической системой. И самой сутью этой динамики.

является переход, трансцензус от субъективно-условного мира внутриязыкового к объективно-безусловному. Этот трансцензус от языкового к внеязыковому как магистральная перспектива осмысления бытия языка задан Э. Р. Атаяном на всех основных уровнях анализа: отдельного знака, функционирования его в предложении, на уровне всего языка. И именно в силу такой устремленности языковой сферы за свои собственные пределы оказалось возможным рассматривать языко-речевую деятельность как данное и язык и речь как односторонние абстракции в качестве образований, выражающих сущность мира, отражающих его и по-человечески творящих его. Так возникает представление о трех картинах мира, как бы трёх его ипостасях: кинетически—динамическая, получающая выражение преимущественно в языковом праксисе, построениях *ad hoc*; статически-сущностная—выражаемая в системе языка, содержащей первоначальное гносеологическое отношение к объекту, и третья динамическая—соотносимая с фразой. Гиперсинтез этих трех картин, рассматриваемых сквозь призму языка, дает полноту и единство мира.

Последние главы книги посвящены анализу коммуникации. Здесь, как и по всей книге, целая россыпь открытий, которые можно бы назвать мелкими по сравнению с грандиозностью всего теоретического построения: «политема» как элементарная единица коммуникации; различение ноологического, ноопсихического и ноопрактического уровней коммуникации и их взаимопроникновения в «коммуникативном аккорде», «актуальное членение коммуникации» и т. д. Эта часть книги написана еще более «плотно» и изложение ее содержания в небольшой рецензии задача вряд ли выполнимая. Но, не берясь за нее, обязательно хочу отметить нарастающую в ней ноту нравственного отношения к исследуемым тонкостям коммуникации. Чтение книги и вслушивание в ход мысли автора все более подтверждает возникшее еще с первых страниц ощущение, что труд этот представляет собой некий лингвистико-гносеолого-нравственный аккорд, в котором каждая сторона звучит и отдельно, и согласно с другими. Поэтому труд Э. Атаяна представляет не отчужденный от полноты человеческого существа результат «чистой» логизированной мысли и голого рассуждательства, но плод мировоззрительный, могущий родиться лишь из горячо личного, страстного отношения к миру и воспроизводящим его абстракциям.

Со всем этим связана и внешне странная противоречивость в авторской манере изложения. В книге мы найдем и схемы и сложные графики, которые должны радовать взор поклонника формально-сциентистских идеалов, но чуть ли не на каждой странице двумерное пространство текста вдруг прорывается то просто расширительным употреблением привычного термина, то захватывающей дух метафоричностью, то неожиданной и чрезвычайно впечатляющей образностью, буквально впечатывающей в сознание читателя сложную и изящную мысль. Но противоречие это обманчиво, ибо и то, и другое, и третье есть результат огромной ответственности автора перед мыслью, а потому и безоглядной смелости его в отношении средств, которые эту мысль должны сделать точной, яркой и острой до пронзительности.

Перед нами весомый вклад в разработку марксистской философии языка. Книга написана языковедом-профессионалом. И всякая похвала в отношении лингвистической ее части будет звучать неуместной фамильярностью. Но и другое—всякого рода изумления по поводу «философской» части будут не более уместны—и потому, что части эти неотделимы, и потому, что чисто философский уровень данного труда чрезвычайно высок. Перед нами просто фундаментальный труд по философии языка.

СЕРГЕЙ ВАРТАЗАРЯН,
кандидат философских наук.